

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.10513906>

УДК 1(091)

Земляков Г. С.

Земляков Глеб Сергеевич, преподаватель, ГБПОУ СО «Гуманитарный колледж», Россия, 445027, г. Тольятти, ул. Юбилейная, 59. E-mail: glebzem86@gmail.com.

Тезис Парменида «бытие есть»: от экзистенциального смысла к предикативной форме

Аннотация. В статье проведена реконструкция высказывания Парменида «есть и не быть никак невозможно», открывающего собой первый путь изыскания «сущего» в философской поэме элеата. Установлены основные проблемы перевода данного тезиса, к которым в первую очередь относится отсутствие у глагола-связки «есть» соответствующего ему подлежащего. На основании грамматической формы глагола «есть» и контекста поэмы Парменида проведена реконструкция данного подлежащего. Предпринята попытка вскрыть его экстралингвистический характер. Объяснению и интерпретации подлежит экзистенциальный смысл слова «есть». Отдельно обосновывается тезис, согласно которому глагол «есть» у Парменида выступает в роли слова-предложения, т.е. представляет собой бесподлежащее предложение. Также объяснению подлежит предикативный характер экзистенциального глагола «есть». Представлена критика некоторых переводов основного высказывания Парменида. В заключении делается попытка формальной реконструкции тезиса Парменида на языке логики предикатов. Выявляются некоторые противоречия такой интерпретации.

Ключевые слова: Парменид, бытие, сущее, бытие есть, глагол-связка

Zemlyakov G. S.

Zemlyakov Gleb Sergeevich, master of philosophy, teacher, "College for humanities", Russian Federation, 445027, Tolyatti, YUbileynaya, 59, E-mail: glebzem86@gmail.com.

Parmenides' thesis «being is» from existential meaning to predicative form

Abstract. The article reconstructs Parmenides' statement "being and non-being are could not possible", which opens up the first path of inquiry into the "being" in the philosopher's poetic work. The main problems of translating this thesis are identified, including the absence of a corresponding subject for the linking verb "be". Based on the grammatical form of the verb "be" and the context of Parmenides' poem, the reconstruction of this subject is carried out. An attempt is made to uncover its extralinguistic nature and explain the existential meaning of the word "be". The thesis is also justified that the verb "be" in Parmenides functions

as a sentence-word, i.e. represents a subjectless sentence. The predicative nature of the existential verb "be" is also explained. Criticism of some translations of Parmenides' main statement is presented. In conclusion, an attempt is made to formally reconstruct Parmenides' thesis in the language of predicate logic, revealing some contradictions in such an interpretation.

Key words: Parmenides', being, existence, being is, linking verb.

Тезис Парменида ««есть» и «не быть никак невозможно»» (Фр. 2, 3; Пер. А.В. Лебедев) [5, с. 295] не раз давал загадку историкам философии. Не только его объяснение, интерпретация и доказательство, но даже само понимание кажутся до сих пор затруднительными, а иногда и вовсе невозможными.

Уже начиная с первой части высказывания элеата появляется масса трудностей в интерпретации. Стоящее по не совсем понятной причине изолировано, слово «есть» по своему синтаксическому значению представляет собой соединительную связку, соединяющую подлежащее и сказуемое, и отдельно от них предложения не образующую. Однако, именно подлежащего и сказуемого нет при отдельно стоящей связке «есть» в суждении элеата.

Что же за подлежащее пропущено в кратком высказывании Парменида «есть»? И каков статус самого слова «есть» в целом высказывании элеата, открывающего собой первый пусть изыскания «сущего»? Представляет ли собой слово «есть» предикат или субъект? Или, быть может, какую-то схему от высказывания, одну только «голую» связку?

Поставим еще один вопрос, объединяющий все остальные. Что же следует из употребления экзистенциального глагола «есть» отдельно от какого-либо подлежащего или сказуемого? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к подобным же выражениям в языке.

Нужно казать, что повседневная речь практически полностью состоит из разного рода эллиптических, так сказать сокращенных выражений. Сюда относятся, например, отдельные междометия, а также выражения, соответствующие некоторым первичным ситуациям, такие как, «Спасибо», «Да», «Нет», «Извините»,

«Здравствуйте». Хорошим примером подобных выражений является речь ребенка. Она в основном содержит слова-предложения. Сюда относятся, например, «бобо», «би-би» и другие [4, с. 27].

Такого рода односложные выражения или односоставные предложения представляют собой «моноремы». Так их называет швейцарский лингвист Альбер Сеше. Подобные предложения, говорит лингвист, состоят из одного слова и всем подобны эллиптическим высказываниям. Ученый-филолог замечает, что данные выражения не имеют никаких свойств слова, а представляют собой «настоящие предложения, в том смысле, что каждое из них образует законченный акт выражения и коммуникации» [4, с. 24].

На тот же факт обращали свое внимание некоторые отечественные лингвисты. Например, по мнению филолога и философа Г.В. Колшанского, существуют т.н. односоставные предложения, к которым относятся как «именные», так и «глагольные». Эти предложения, считает отечественный филолог, по своему лексическому составу являются одночленными, однако, по грамматическому и логическому составу они оказываются двучленными.

Пожалуй, не найти ни одного крупного ученого-филолога, не проводившего анализ односоставных предложений. Вот лишь небольшой список тех исследователей, которые так или иначе занимались данной проблемой: В.В. Бабайцева, П.В. Копнин, В.З. Панфилов, П.С. Попов, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, Г. Пауль, уже упомянутые А. Сеше и Г.В. Колшанский.

У каждого из названных ученых есть свое собственное деление соответствующих предложений, одночленных со сто-

роны лексики, но двусоставных с логико-грамматической точки зрения. К некоторым из них еще предстоит обратиться в процесс данного исследования. Сейчас же обратимся к процессу возникновения эллиптических выражений в языке.

По мнению А. Сеше, «моноремы» часто возникают посредством абстрагирования отдельных слов от различных случаев их употребления в повседневной речи, когда данные слова начинают использоваться как самостоятельные лексемы. При этом «моноремами» могут становиться различные части речи, не только имена существительные, но и глаголы.

А. Сеше подчеркивает, что абстрагировавшееся от контекста и прочих связей слово, «обязательно приобретает более широкое значение, ... и это позволяет ему в будущем использоваться в многочисленных и по необходимости различных случаях» [4, с. 24]. При этом слово, ставшее отдельным элементом языка, не утрачивает своей смысловой связи с прежним предложением. Однако, замечает швейцарский лингвист, таким словам уже нет необходимости сочетаться с другими словами, чтобы получилось полное сообщение.

Смысл новых слов-предложений, подвергаясь обобщению, отрывается от условий конкретного акта коммуникации, так что они более не связываются с той или иной ситуацией, какой бы она не была. Напротив, «моноремы» связываются уже с отдельной эмоцией или некоторым представлением.

Понятно, что в отдельных случаях значение слов-предложений может быть чрезвычайно общим. Оно может соотноситься уже не с чувствами или эмоциями, не с конкретными «вещами», но с некоторыми идеями или понятиями, доминировавшими в той ситуации, в рамках которой данные слова использовались ранее в той или иной конкретной ситуации [4, с. 25].

Очевидно, что для связки «есть» таким смыслом будет утверждение или по-

лагание некоторой реальности, т.е. «существования». Иными словами, сама ситуация, в которой о чем-то говорится как о том, что «есть», определяет собой смысл конкретного выражения. Эта ситуация оказывается тем контекстом, который объясняет смысл некоторого экзистенциального выражения. Сама же экстралингвистическая ситуация часто связывается с чем-то устойчивым, данным в опыте и, с другой стороны, с актуальным моментом времени.

Нужно отметить еще один момент. Тот факт, что глагол-связка «есть» связан с представлением об относительной неизменности и данности объекта в текущей момент времени, обусловлен также и со стороны грамматической формы данного связочного слова. Здесь все дело в том, что сама форма слова, как это часто бывает в языке, накладывает определенный отпечаток на тот объект и его понимание, с которыми оно соотносится. Об этом, в частности, применительно к экзистенциальной связке «есть» в древнегреческом языке уже писала отечественный историк философии Марина Николаевна Вольф.

М.Н. Вольф замечает, что глагол связка «быть» или «есть», в отличие от глаголов действия, всегда придает высказыванию «статическое» значение, как если бы предмет наших слов предстоял перед нами в настоящем времени. Это заметно уже в таких выражениях, в которых связка «есть» опущена. М.Н. Вольф приводит соответствующие примеры: «Мэри становится прекрасной» – «Мэри прекрасна»; «Джон получил книгу» – «У Джона есть книга» [2, с. 286].

Новосибирский историк философии подмечает, что древнегреческий глагол «быть» не только маркирует собой грамматическое время. Из-за частого употребления глагола «быть» в значении связки, он соотносится с определенным кругом предикатов и соответствующих им категорий места, субстанции и состояния. Поэтому глагол «быть» также указывает на неизменность состояния и определенность

формы, на пребывание в одном месте [2, с. 286]. По этим-то, чисто формальным причинам, подводит итог М.Н. Вольф, использование данного глагола в том или ином случае создает впечатление неизменности и, тем самым, постоянства и «вечности» субъекта высказывания [2, с. 286].

Особенности употребления связки «есть» в предложении, а также тот экзистенциальный смысл, который она в себе несет, накладывают свой отпечаток на образованное от глагола «есть» причастие «существующее», а также и на отглагольное существительное «бытие» или «сущее».

Оба выражения встречаются у Парменида в стихах его поэмы. Например, причастие «существование» можно встретить в 8 фрагменте «Ибо нельзя (невозможно) бытию незаконченным быть и не должно» (Фр.8, 32; Пер. А.В. Лебедев) [5, с. 297], в котором в оригинале вместо слова «бытие» стоит причастие «τὸ ἔόν». И, с другой стороны, образованное от глагола «быть» причастие «ἔόν» прямо ставится элеатом в позицию подлежащего в 6 фрагменте «Можно лишь то говорить и мыслить, что есть» (Фр.6, 1; Пер. А.В. Лебедев [5, с. 296], в котором переведенное А.В. Лебедевым выражение «есть» можно буквально прочесть как «сущее» или «то, что существует».

Находясь в высказывании Парменида (Фр. 2, 3) изолированно, глагол «есть», тем не менее, сохраняет свои прежние функции. С одной стороны, он напрямую указывает на «существование», выражает его. С другой стороны, он предполагает некоторый более или менее неизменный объект, находящийся в данном «существовании», с которым последнее соотносится. Таким образом, слово «есть» в высказывании ««есть» и «не быть никак невозможно»» (Фр. 2, 3) [5, с. 295] оказывается предикатом и предполагает некоторый субъект. Это позволяет говорить о том, что экзистенциальный глагол «есть» представляет собой у Парменида слово-

предложение при пропущенном подлежащем.

Нужно отметить, что в самом глаголе «есть» у Парменида еще нельзя разглядеть гипостазированного «сущего», подобие которого в нем сумел увидеть в своей диссертационной работе нижегородский историк философии Алексей Владимирович Богомолов [1, с. 21]. Это обстоятельство, конечно же, нисколько не отменяет присутствие такого рода «сущего» в поэме Парменида, что было превосходно показано тем же историком философии А.В. Богомоловым.

При желании слово-предложение «есть» Парменида можно прочесть и в качестве имени, непосредственно выражающего собой понятие «сущего». На подобного рода случаи в языке указывают, например, ученые-филологи А.А. Шахматов и Г.В. Колшанский, а также уже упоминавшийся ранее А. Сеше.

По словам А.А. Шахматова, безличный глагол, прочитанный в особой интонации, может приобретать значение имени существительного, указывая на сам процесс или его наличие. Ссылаясь на мнение авторитетного ученого, отечественный филолог Г.В. Колшанский пишет об этом так: «В современном языке, как справедливо указывает А. Шахматов, глагольная флексия, оставаясь способом выражения члена суждения, могла получить другое содержание – в соединении с определенной интонацией, предикативно обозначающей само слово – глагол, она может передавать понятие указания (например, «светает» может означать, что данное явление есть «светание» и т.д.). Это объяснение вполне применимо к таким предложениям, как «Стучит!», где о «стучании» высказывается та мысль, что она утверждает нечто как «стучание»» [3, с. 175].

На то же указывает и А. Сеше. Обретая самостоятельность, пишет филолог, слова могут приобретать новый функционал, т.е. вступать в новые грамматические связи в предложении, поскольку потенци-

ально такого рода «моноремы» представляют собой не что иное, как понятия [4, с. 25]. Понятно, однако, что этой форме мысли в языке соответствует скорее имя существительное, чем глагол, редко принимающий на себя роль подлежащего.

Следует сказать, что в языке глаголы довольно редко выступают в роли такого главного члена предложения, как подлежащее. Потому было бы правильным считать, что глагол «есть» у Парменида представляет собой не подлежащее, а сказуемое, не субъект, но предикат. И, наоборот, в роли подлежащего или субъекта в данном случае, т.е. при пропущенном подлежащем, выступает сама экстралингвистическая «ситуация» [4, с. 33]. Иными словами, «есть» элеата можно считать чем-то вроде восхищенного утверждения, обращенного к окружающему миру в свидетельстве о его существовании.

Своим экзистенциальным характером глагол «есть» походит на выражение в языке тех впечатлений, какие запечатлеваются, например, безличными глаголами типа «моросит», «вечереет», «es regnet» (нем. буквально «дождит»), «pluit» (лат. «идет дождь») [4, с. 127]. Подобного рода выражения, замечает А. Сеше, закрепляют в себе некие общие состояния природы и всегда учитывают определенный, постоянный характер данных природных явлений. Потому подобные односоставные бесподлежащие предложения, подводит итог швейцарский ученый, «указывают на то, что происходит в окружающей среде» [4, с. 126]. Следует считать вполне вероятным, что за глаголом «есть» в указанном фрагменте у Парменида в его поэме «О природе» может скрываться такого же рода экстралингвистическая, т.е. объективная ситуация.

Таким образом, если во всем следовать А. Сеше и, с другой стороны, принимать онтологию Парменида, необходимо признать, что за экзистенциальным глаголом «есть» первого тезиса поэмы должна скрываться объективная действительность, сущее само по себе, т.е. бытие.

Подобно тому, как за выражением *es regnet* (нем. буквально «дождит»), указывающим на наличие определенной ситуации непогоды, скрывается существительное *der Regen* (нем. «дождь»), экзистенциальный глагол «есть» в философии Парменида объективно указывает собой на сущее или бытие.

Точке зрения А. Сеше близка позиция отечественного филолога А.А. Шахматова. Последний полагал, что такие «моноремы» как, например, «морозит» и «морозно», вполне можно реконструировать до их полноценных аналогов в качестве двусоставных предложений с подлежащим и, соответственно, со сказуемым. При этом оба слова-предложения, согласно А.А. Шахматову, можно было бы назвать «экзистенциальными»:

(1) (мороз) «морозит»;

(2) «морозно» (есть).

По мнению А.А. Шахматова, безличные (1) и безглагольные (2) суждения в своем предикате всегда имеют представление о признаке бытия, существования, наличности. Сюда, по мнению филолога, равным образом относятся такие безличные предложения, как «морозит», «дует», «заволокло», и односоставные безглагольные предложения, такие как «скучно», «морозно», «скука», «мороз» [3, с. 171]. При этом А.А. Шахматов замечает, что в последнем случае в данных суждениях «субъектами являются конкретные признаки «мороз», «скука», а предикатом – отвлеченный признак бытия, наличности» [3, с. 171].

С точкой зрения А.А. Шахматова, впрочем, не согласен другой отечественный филолог Г.В. Колшанский. Ученый, конечно, не исключает того случая, когда предикат может каким-то образом соотноситься с предметом мысли или субъектом посредством экстралингвистической ситуации или внеязыкового контекста. Однако, признание существования в объективной действительности субъекта мысли, по мнению Г.В. Колшанского, ведет к противоречию. Ученый пишет, что поиски

«материального носителя одного члена суждения не в системе языка, а во внешней ситуации означают прямой отход от исходного тезиса о единстве языка и мышления. Если допустить возможность материализации логического члена вне языковой формы, то следует одновременно признать и вообще необязательность языкового выражения мышления. А если признать последнее, то надо согласиться и с возможностью существования «чистого» мышления без участия человека («ситуативное» выражение логической формы предполагает существование этой ситуации вне человека)» [3, с. 171-172]. Таким образом, приходит к выводу отечественный ученый-филолог, субъект суждения следует искать в самом грамматическом составе односоставного предложения. Объективная же ситуация и контекст могут лишь помочь реконструкции.

Отечественный ученый замечает, что в безличных предложениях лицо все же мыслится в самом глаголе, вернее, в его флексии, хотя и с минимальной ясностью. Иначе говоря, безличные предложения передают обычную двучленную мысль – суждение, в котором один член не представляет ясного, определенного понятия, но все же, несомненно, наличествует в суждении. Об этом-то и свидетельствует, порой очень красноречиво, наличие неопределенности в понимании подлежащего. То же самое справедливо и для безглагольных предложений, в которых, по мнению ученого, сказуемое возможно восстановить по интонации и флексии существительного.

Таким образом, Г.В. Колшанский полагает, что субъект безличного глагола должен быть восстановлен посредством одной только глагольной флексии. Информация о подлежащем, в случае с безличным глаголом, выражается, по его мнению, в числе, лице, времени и наклонении [3, с. 173-174].

Говоря чуть более конкретно, Г.В. Колшанский подчеркивает, что в случае бесподлежащего предложения рекон-

струкция возможна через замену глагольной флексии на соответствующую данной флексии лексему. При этом структуры обоих предложений, полученного в результате реконструкции и собственно исходного односоставного предложения, можно будет считать, по мнению ученого, синтаксическими и логическими синонимами.

Стоит особо отметить, замечает Г.В. Колшанский, что в случае с безличным глаголом «флексия безусловно выражает абстрактное понятие, равное значению соответствующего местоимения. Абстрактное мышление вполне удовлетворяется указанием глагольной флексии на самое отвлеченное понятие носителя действия («оно», «ты», «они»)» [3, с. 174]. Учитывая этот грамматический фактор, Г.В. Колшанский вместе с тем не исключает при реконструкции и обращение к контексту, способному помочь заменить местоимение на соответствующее ему существительное: «Понятие указания (например, местоимение «это» – *Г.С.*) получает свое конкретное содержание не в этом предложении (в данном случае речь о номинативном предложении – *Г.С.*), а посредством цепи умозаключений по наличным признакам действительного явления, в чем заключается несомненная роль ситуации (контекста)» [3, с. 184].

Обратимся теперь к реконструкции предложения Парменида. У элеата глагол «есть» в фрагменте ««есть» и «не быть никак невозможно»» (Фр. 2, 3; Пер. А.В. Лебедев) [5, с. 295] дан в 3 лице и единственном числе, в изъявительном наклонении настоящего времени. Учитывая грамматическую форму глагола «есть», его субъектом, согласованным с ним в числе и роде, следует признать местоимение «это». Иначе говоря, данной глагольной форме может соответствовать или указательное местоимение (среднего рода, именительного падежа, единственного числа), или такое неопределенное местоимение, как «нечто». На основании контекста данные местоимения легко заме-

нить причастием «существующее», «то, что существует», существительным «сущее» или «бытие», которые встречаются в некоторых местах поэмы Парменида.

Согласно вышеизложенному, первый тезис Парменида можно было бы представить в нескольких аналогичных вариантах: (а) (Сущее) есть, (Существующее) есть; (б) (Сущее) существует, (Существующее) существует.

Обратим внимание не то, что экзистенциальный глагол «есть» не выступает ни в одном приведенном случае в роли подлежащего. Сам по себе глагол «есть» не может выступать в качестве номинативного экзистенциального предложения, поскольку такого рода предложения образуют только имена существительные, к тому же представленные всегда в именительном падеже [3, с. 184]. Поэтому нелепо говорить о том, что глагол «есть» способен выражать собой понятие «сущее». И, с другой стороны, данное понятие находит свое представительство в причастии, занимающем в данной реконструкции место подлежащего.

Из проведенной реконструкции можно сделать ряд существенных выводов относительно направленности или хода мысли Парменида. Обратим внимание, что высказывание Парменида в своем реконструированном виде задает определенное обобщающее направление мысли. Предложение, в котором нечто приписывается чему-либо, благодаря своей предикативной форме, отличающей предложение от понятия, всегда представляет собой своего рода обобщение.

Об этом пишут многие филологи. Например, тот же А. Сеше прямо указывает, что во всяком коммуникативном акте естественным расположением слов будет то, при котором вначале предложения стоит подлежащее, а затем уже более широкое в своем объеме сказуемое. Ученый пишет: «... логично назвать сначала субъект, а затем произнести – раз необходимые для понимания пресуппозиции реализованы – предикат, в котором акт комму-

никации получает завершение. Такой порядок выбирают естественно, когда хотят быть понятными. Такой же порядок ... индоевропейские языки принимают в качестве нормативного» [4, с. 40]. По мнению А. Сеше, обобщение, которое производится в соединении подлежащего и сказуемого, обусловлено практическими потребностями и всегда производится в коммуникативном акте.

Тоже самое явление можно видеть не в суждениях, а в т.н. дескриптивных выражениях, таких как «белая лошадь» или «гипсовая статуя», в которых связь между главным и зависимым словами всегда предполагает обобщение или, с другой стороны, конкретизацию некоторого предмета. Здесь, подмечает А. Сеше, «... главное слово более конкретно и более богато по содержанию, тогда как зависимое, напротив, – слово более абстрактное и более широкое по объему. Это дополнительное понятие присоединяется к главному, уточняя его понятие, выделяя в нем какой-либо частный признак» [4, с. 41]. Таким образом, по А. Сеше всякая мысль, находящая свое выражение в языке, предполагает, с одной стороны, процесс обобщения и, с другой стороны, конкретизацию.

Однако обратимся к наиболее взвешенной и проработанной точке зрения Г.В. Колшанского. Ученый считает, что существенным и достаточным признаком всякого суждения, вернее предикативности, является отнюдь не утверждение и отрицание, как это принято в классической логике, но противоречие единичного и общего, выраженных в субъекте и предикате соответственно. Отечественный филолог проводит ту же самую мысль, что и его зарубежный коллега А. Сеше. Он полагает, что «субъект как выражение единичного раскрывается как всеобщее в предикате» [3, с. 80]. Предикативная же структура мысли выражает собой переход от единичного к общему, благодаря чему высказываемый в предикате признак будет всегда шире понятия субъекта или, с

другой стороны, равен ему [3, с. 90]. Рассмотрим обе альтернативы.

Предикативное сочетание субъекта и предиката выражает собой движение мысли от частного к общему, а потому является некоторым обобщением. Оно «соотносит одно понятие с «чужим», «другим» для него признаком» [3, с. 89], отличающимся от первого уже по своей грамматической форме. И, поскольку при естественном порядке слов первым в предложении всегда выступает подлежащее, которое так или иначе выражает собой грамматическую категорию «сущности» [4, с. 49], то «глагольная группа передает понятие, более общее по своему характеру, чем понятие субъекта» [3, с. 91]. Разберем примеры.

Предложение «Стол – черный» является некоторым переходом от общего имени «стол» к абстрактному предикату «черный». Суждение «Сократ – лысый» являет собой переход от единичного имени «Сократ» к общему понятию «лысый».

Точно так же обстоит дело и с суждением «Сущее существует» или «Сущее есть». По своей форме связываемые друг с другом слова выражают собой в данном случае совершенно различные грамматические категории. И если слово «сущее» подпадает под грамматическую категорию «сущности» [4, с. 49], то глагол «существует» под категорию «действия» или «состояния» [4, с. 56]. На этом основании можно заключить, что «существование» выступает в приведенном суждении в роли общего предиката, а «сущее» в качестве субъекта, объем которого гораздо меньше, чем объем связываемого с признака.

Таким образом, в суждении Парменида «Сущее есть» имеет место обобщение, переход от одного понятия, меньшего в своем объеме, к более общему и абстрактному понятию, при этом мыслимому в качестве признака. Понятно, что сама возможность такого рода обобщения предполагает, пусть и не особенно отчетливое, но все же необходимое в данном

отношении представление о различии в понятиях между «сущим» и «существованием».

Итак, если суждение «Сущее есть» в поэме элеата действительно имело место, то очевидно, что элейский философ проводил определенное различие между «сущим» как предметом рассмотрения и «существованием» как составляющем его признаком. Поэтому можно сказать, что Парменид, пусть и неосознанно, т.е. имплицитно, но проводил различие между «сущим» как определяемым именем и «существованием» как определяющим это последнее выражением. Все это говорит о том, что «существование» как признак должно было имплицитно присутствовать в искомой элеатом дефиниции бытия.

Существенный признак предложения, продолжает Г.В. Колшанский, – законченность мысли, а также наличие некоторого противоречия между единичным и общим, субъектом и предикатом, сказуемым и подлежащим. Иначе говоря, необходимым условием образования суждения выступает некоторого рода различие между субъектом и предикатом, на которое в том числе указывает различие грамматических категорий связываемых друг с другом слов. На этом основании строится принципиальное различие между предикативным отношением и отношением тождества. Обратимся ко второму из них.

По Г.В. Колшанскому, следующим вариантом предикативного отношения выступает тот случай, когда предикат равен в своем объеме субъекту. Такое бывает в суждениях тождества. И, в самом бескомпромиссном варианте такого тождества, понятие ставится в отношении к самому себе.

Понятие, поставленное в предикативное отношение к самому себе, уже не образует перехода от менее общего понятия, к более общему, т.к. образованное таким образом суждение утверждает не присущий субъекту признак, но тождество предмета мысли с самим собой. Это тождество в суждении передает первич-

ное определение предмета, т.е. его относительную неизменность и устойчивость, представленных в опыте. Здесь снимается различие между единичным и общим, т.е. последние просто сливаются в одном понятии. Поэтому отношение тождества было бы не совсем корректно называть предикативным отношением, как это делает сам Г.В. Колшанский.

Суждение «Сущее есть сущее» в отличие от «Сущее есть» репрезентирует собой уже более простое соотношение между субъектом и предикатом, а также более простую мысль о том, что «сущее» равно самому себе. Понятно, что оба суждения различны не только по своим грамматическим формам, но также по их логической структуре и по смыслу. Соответственно, между обоими простыми суждениями нельзя поставить знак равенства. Они не тождественны.

Чтобы отчетливее вскрыть различие между обоими типами суждений можно привести их логическую структуру. Эта задача, впрочем, не является тривиальной. По сей день в специальной литературе идут споры о том, как выразить в математической логике «существование». И, с другой стороны, не совсем понятно, через какой термин следует выразить понятие «сущего».

Суждение (а) «Сущее есть сущее», казалось бы, легко представить в языке логики предикатов. С другой стороны, с высказыванием (b) «Сущее есть» все очень неоднозначно. Фактически в научной литературе нет единственного варианта интерпретации подобного рода экзистенциальных суждений.

Приведем формальную структуры обоих суждений. Поставим в соответствие понятию «сущего» сингулярный термин или индивидуальную константу a , а «существованию», понятому как свойство, предикат P .

$$(a) a = a$$

$$(b) P(a)$$

Нужно сказать, что в случае интерпретации понятия «сущего» как общего, а

не сингулярного, логическая структура обоих суждений изменится. В этом случае понятию «сущего» будет поставлена в соответствие индивидуальная переменная, например, некоторый x . При такой интерпретации вопрос о «существовании» как общем признаке или предикате встанет особо остро.

«Существование» часто передается в логике предикатов в качестве квантора, а переменная x , не связанная в некотором выражении квантором, сама по себе не образует высказывания. Тогда, чтобы в обоих случаях получилось высказывание, придется связывать индивидуальные переменные кванторами, тем самым внося дополнительное содержание в смысл обоих суждений.

$$(a') \exists x(x = x)$$

$$(b') \exists xP(x)$$

Последнее из данных высказываний может быть прочитано таким образом: Существует такой x , который P . Иными словами: Существует такое сущее, которое существует. Такого рода интерпретация чревата возникновением ряда противоречий, связанных с отрицанием, а также с попыткой выразить в языке логики предикатов того, что существованием не обладает, т.е. «не-сущего».

Сделаем необходимые выводы из всего вышеизложенного. У Парменида в его главном онтологическом тезисе ««есть» и «не быть никак невозможно»» (Фр. 2, 3; Пер. А.В. Лебедев) [5, с. 295] слово «есть» представляет собой словопредложение. Искомое элеатом «сущее» выступает в этом предложении подлежащим, а сказуемым оказывается сам глагол «есть», выражающий собой некоторое представление о реальности или «существовании». При этом последнее мыслится элеатом как свойство и выступает в поэме философа в качестве неотъемлемого предиката, т.е. признака «сущего». Отношение между обоими понятиями в реконструируемом суждении имеет предикативный характер, а значит в данном случае имеет место обобщение. Тем самым

можно говорить о проводимом у Парменида различии между понятиями «сущее» и «существование». Последнее свидетельствует о том, что элейский философ должен был проводить различие между объемами обоих понятий.

Нужно сказать, что в классической логике предикатов всякий предикат задает определенный класс, множество индивидов, входящих в его объем. Это обстоятельство проясняет некоторые аспекты в понимании «сущего» и «существования» у Парменида. По отношению к обоим понятиям, между которыми в поэме философа должно было проводиться какое-то различие, это означает, что не все из того, что «существует», должно было бы мыслиться именно как «сущее». Такой вывод, тем не менее, противоречит тому, что сам Парменид утверждал относительно возможности мыслить и говорить. Только «сущее», полагал элейский философ (Фр.6, 1-2) [5, с. 296], может быть предметом мышления. И, с другой стороны, только о «сущем» можно вести истинную речь. Таким образом, выявленное противоречие в интерпретации ставит вопрос о том, каким образом древнегреческий философ мог мыслить «сущее». Очевидно, что этот вопрос должен касаться в первую очередь объемов понятий «сущее» и «существование», а значит последние необходимо рассматривать в первую очередь или как единичные, или как общие, т.е. по

характеристике их объемов. С другой стороны, чтобы снять найденное противоречие в интерпретации, «сущее» и «существование» должны задавать один и тот же класс объектов, т.е. иметь равные объемы их понятий. Это обстоятельство, в свою очередь, говорит о том, что отношение между субъектом и предикатом в суждении элеата «Сущее есть» может и должно рассматриваться как суждение тождества. Однако уже это, в свою очередь, противоречит той грамматике, какой пользовался элейский мыслитель в ряде высказываний о «сущем», в которых «сущее» выступало в роли подлежащего, а принятый в своем экзистенциальном варианте глагол «есть» в виде общего, приписываемого «сущему» предиката. Поставленные таким образом вопросы и проблемы выводят исследование онтологии Парменида на новый уровень.

Обсуждение обозначенных выше вопросов предполагает вскрытие логической семантики используемых Парменидом выражений. И начать, как представляется, в данном отношении следует с выяснения того, каким именно в своем объеме должно было мыслиться элеатом понятие «сущего». Иными словами, необходимо решить вопрос о том, каким должно быть понятие «сущего» в реконструируемом суждении, сингулярным или общим. От ответа на данный вопрос зависит понимание всей онтологии Парменида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомолов А.В. Диалектическое решение проблемы небытия в истории древнегреческой философии (досократический и классический этап): дис. канд. наук. Нижний Новгород, 2014. 161 с.
2. Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 382 с.
3. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М.: КомКнига, 2005. 240 с.
4. Сеше А. Очерк логической структуры предложения. М.: Едиториал УРСС, 2010. 224 с.
5. Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Ч. 1. М.: Наука. 575 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bogomolov A.V. Dialectical solution to the problem of non-existence in the history of ancient Greek philosophy (pre-socratic and classical stage): dissertation of the Candidate of Sciences. Nizhny Novgorod, 2014. 161 p.

-
2. Wolf M.N. Philosophical search: Heraclitus and Parmenides. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2012. 382 p.
 3. Kolshansky G.V. Logic and structure of language. M.: KomKniga, 2005. 240 p.
 4. Seshe A. An essay on the logical structure of a sentence. Moscow: Editorial URSS, 2010. 224 p.
 5. Fragments of early Greek philosophers. From epic theocosmogonies to the emergence of atomistics. Part 1. Moscow: Nauka. 575 pp .
-

Для цитирования:

Земляков Г.С. Тезис Парменида «бытие есть»: от экзистенциального смысла к предикативной форме // Гуманитарный научный вестник. 2023. №12. С. 130-140. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2023/12/Zemlyakov.pdf>